

Изъ Подольской старины¹⁾.

IV.

Полученіе прихода.—Рукоположеніе въ санъ священника.—Консисторскіе порядки.—Добываніе іерейской грамоты.—Бытъ подольскаго духовенства въ половинѣ прошлаго столѣтія.—Бывшіе униатскіе священники.—Архіерейскіе объѣзды.—Благочинные и ихъ значеніе въ округѣ.—Соборники.

о окончаніи паломничества въ Почаевъ я направился къ родителямъ своей невѣсты, а потомъ въ іюнѣ или іюлѣ 1853 года съ будущимъ шуриномъ ѣздилъ въ Каменецъ съ цѣлю пріискать приходъ. Въ это время въ городѣ свирѣствовала страшная холера.

Справившись въ консисторіи о праздныхъ священническихъ мѣстахъ, я остановился на Иванковцахъ Хреbtіевскихъ, приходъ, считавшемся очень хорошимъ, гдѣ служили люди солидные, и подалъ прошеніе епископу Евсевию о зачисленіи прихода за мною. Въ виду недостатка въ достойныхъ кандидатахъ архіерей внялъ моей просьбѣ. Нужно было спѣшить съ женитьбою. Стоящая страдная пора не позволила скоро сдѣлать это, и только въ сентябрѣ мѣсяцѣ я обвѣнчался, а подъ рукоположеніе явился въ Каменецъ уже въ ноябрѣ. Причиною послѣдняго обстоятельства было неимѣніе денегъ, необходимыхъ на посвященіе и пріобрѣтеніе соотвѣтствующаго служенію сану платья. Тестъ, хотя и слылъ за человѣка со средствами, хорошаго хозяина, денегъ не имѣлъ и едва могъ дать мнѣ 40 рублей, которые занялъ у кузнеца. Въ санъ пресвитера я былъ посвященъ 20 ноября. Вновь рукоположенные іереи обыкно-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1911 г.

венно должны были служить въ архіерейской церкви, что продолжалось недѣлю. Впрочемъ, этотъ срокъ сокращался или увеличивался въ зависимости отъ того, какую мзду вносилъ служащій наблюдающему архіерейскому духовнику.

Въ описываемое время новорукоположеннымъ священникамъ выдавались изъ консисторіи 30 рублей на первоначальное обзаведеніе. Деньги, данныя тестемъ, понемногу разошлись, а потому я послѣ перваго служенія иду въ присутствіе, чтобы получить причитающееся по положенію. Формальностей тогда я еще не зналъ и спросилъ тамъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Мнѣ посоветовали обратиться къ столоначальнику Яблонскому, имѣвшему отношеніе и къ казначейству консисторіи. Являюсь къ нему и прошу его объяснить, какъ мнѣ поступить, чтобы получить слѣдующее мнѣ 30 рублей: „Дайте мнѣ 3 рубля, а я вамъ 27 рублей дамъ“, былъ отвѣтъ. Дѣлать было нечего; пришлось дать обѣщаніе. Послѣ этого Яблонскій приказалъ мнѣ написать продиктованное имъ прошеніе и подать его въ присутствіе. Здѣсь секретарь сдѣлалъ на немъ отмѣтку, и я съ прошеніемъ снова возвратился къ Яблонскому, который выдалъ мнѣ 27 рублей, а 3 рубля по условію удержалъ. Такіе тогда были порядки въ консисторіи! Взятничество процвѣтало въ неимоверной степени. Я былъ доволенъ и тѣмъ, что мнѣ удалось получить хоть 27 рублей. На эти деньги я предполагалъ приобрести себѣ теплую рясу, но вышло иначе, такъ какъ и изъ нихъ мнѣ пришлось выдѣлать значительное количество на консисторцевъ же.

Въ подвальномъ этажѣ консисторскаго зданія жили два служителя. Только что я вышелъ изъ присутствія, вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ служителей и проситъ зайти къ нему въ помещеніе. Оно, какъ я послѣ узналъ, носило спеціальное названіе „закусочной“, которой не миновалъ ни одинъ ставленникъ. Съ недоумѣніемъ спускаюсь за нимъ. Онъ ввелъ меня въ чисто убранную комнату. Посрединѣ ея стоялъ накрытый скатертью столъ, за которымъ на первомъ планѣ сидѣлъ членъ консисторіи протоіерей Лотоцкій. Хотя онъ и считался служащимъ, но, по ограниченности своей, ничего не дѣлалъ; подписывалъ лишь бумаги, написанныя столоначальникомъ, да скрѣплялъ метрическія книги. Тутъ же были и еще какіе-то чиновники. На столѣ стоялъ графинчикъ водки и большой графинъ бессарабскаго краснаго „протоіерейскаго“¹⁾ вина и закуска: селедка, икра, ветчина домашняго приготовленія и др. „Закусите съ нами“, вѣжливо предложили мнѣ. Сами присутствующіе

¹⁾ Это только вино и пилъ прот. Лотоцкій, вслѣдствіе чего оно и носило такое названіе.

усердно потребляли находившееся предъ ними. Я съѣлъ. Дѣло было послѣ службы; голодь давалъ себя чувствовать, и потому я не заставилъ себя долго упрашивать, а, воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ, выпилъ и закусилъ. Они бесѣдовали, а я думалъ, откуда такое благоволеніе консисторцевъ. Свою мысль я высказалъ и вслухъ. „То конселяція (consolatio)“, говорятъ мнѣ, „слѣдуетъ дать за это шесть рублей“. Какъ ни тяжело мнѣ было сдѣлать это, но былъ долженъ отсчитать требуемое, хотя не съѣлъ, можетъ быть, и на полтинникъ. Теплой рясы уже не пришлось купить.

Пробѣжала и очередная недѣля. Являюсь къ руководившему духовнику подписать „дѣло“, касающееся меня и моей службы. Духовникъ былъ человѣкъ грубый и корыстолюбивый. До монашества онъ состоялъ сельскимъ священникомъ, попалъ подъ уголовный судъ и, говорили, только благодаря уходу въ монашество, избѣгъ достойнаго возмездія. Дѣло его состояло въ томъ, что онъ, поймавши воровъ въ своей конюшнѣ, истязалъ ихъ, подвязавъ пальцами къ балкѣ. Происшедшее какъ-то обнаружилось, и онъ былъ привлеченъ къ суду. Это прошлое не помѣшало ему быть архіерейскимъ духовникомъ. Къ нему нужно было идти съ вознагражденіемъ. Денегъ у меня уже почти совсѣмъ не было, а потому я предложилъ ему только одинъ рубль. Конечно, такая мизерная мзда не могла удовлетворить монаха, и онъ рѣшительно отказался подписать мое „дѣло“, и, чтобы вызвать на болѣе щедрую подачку, послалъ еще служить въ Троицкій монастырь, на другой день—въ соборъ, потомъ снова въ крестовую церковь. Вижу, что добра мнѣ отъ него не ждать, и безъ денегъ онъ не подпишетъ моего дѣла, что необходимо было для полученія священнической грамоты, отправляюсь къ соборному священнику Виноградову, бывшему моему профессору, высказываю свою печаль, даю три рубля и прошу подписать. Онъ тотчасъ же далъ обо мнѣ и моемъ служеніи хорошій отзывъ, съ которымъ я пошелъ къ письмоводителю Родкевичу, бывшему моему товарищу по училищу; онъ выдавалъ грамоты. Предлагалъ было и ему рубль, но онъ по знакомству не захотѣлъ взять денегъ, и я получилъ такимъ образомъ грамоту совершенно безмездно. Легко вздохнулъ я, получивъ на руки этотъ необходимый документъ, и отправился къ своей паствѣ въ Иванковцы Хреbtіевскіе.

Съ энергіей молодого человѣка я взялся за служеніе церкви Божіей и простому народу. Но къ сожалѣнію съ первыхъ же шаговъ началъ встрѣчать своей дѣятельности отпоръ и въ невѣжествѣ прихожанъ, и въ несочувствіи помѣщика-католика, не находилъ поддержки и въ своихъ собратяхъ-священникахъ.

Составъ подольскаго духовенства того времени по образованію

былъ даже болѣе пестрый, чѣмъ теперь. Окончившихъ курсъ семинаріи было мало. Большинство же были недоучки изъ разныхъ отдѣленій и классовъ семинаріи и духовнаго училища, достигшіе священства тяжелою службою въ дьякахъ и діаконахъ. Конечно, эти люди не удовлетворяли своему назначенію. Единственнымъ ихъ достоинствомъ, къ чести ихъ сказать, была искренняя вѣра, вѣра простая безъ всякаго богословствованія.—По своей малокультурности и мало развитости они мало отличались отъ своихъ прихожанъ.

Многіе были совсѣмъ малограмотны: съ трудомъ писали, плохо читали не только по-русски, но и по-славянски. Одинъ напр. читалъ Варнава вмѣсто Варавва. Понятно, что при такомъ низкомъ уровнѣ образованія духовенства проповѣдничество, учительство, какъ одна изъ главнѣйшихъ функцій пастырства, далеко не процвѣтало. Во всѣ церкви была разослана книга „о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, изъ которой и предписано было читать поученія народу.

Впрочемъ, образованнымъ священникамъ вмѣнялось въ обязанность писать поученія собственнаго составленія и представить не меньше трехъ такихъ поученій цензору, которымъ въ округѣ былъ благочинный, а послѣдній отсылалъ ихъ въ консисторію, гдѣ они безслѣдно исчезали. Помню такой случай въ нашемъ округѣ. Священникъ Самолевичъ, человекъ честолюбивый, любилъ очень произносить поученія экспромptomъ, писалъ проповѣди, впрочемъ, большею частію по одному шаблону. Не получая ихъ, вѣроятно, отъ благочиннаго, онъ заподозрилъ послѣдняго въ недобросовѣстности и потому обратился къ преосв. Евсеію съ жалобою. Въ ней онъ высказалъ, что онъ часто представляетъ благочинному Стрѣльбицкому поученія, но какова ихъ судьба дальнѣйшая не знаетъ, предполагаетъ же, что онѣ не получаютъ движенія, а остаются у благочиннаго, „око де благочиннаго Стрѣльбицкаго лукаво, яко азъ благъ есмь“. На этомъ прошеніи послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: „за неумѣстное употребленіе священнаго писанія запретить навсегда священнику Самолевичу говорить поученія“. Это для него было сильнымъ наказаніемъ. Вообще же проповѣдничество было развито мало, говорили изъ книги или по тетрадкѣ. Живого, понятнаго народу слова тогда почти не раздавалось съ церковной кафедры. Для поднятія проповѣдничества принимались кое-какія мѣры. Напр. сельскіе священники вызывались для произношенія поученій въ уѣздный соборный храмъ и въ самый г. Каменецъ. Здѣсь предварительно являлись къ кафедральному ключарю, протоіерею Троицкому, который тогда былъ духовнымъ цензоромъ. При

представленіи проповѣди вручали ему и мзду въ количествѣ одного рубля. И только по полученіи денегъ о. протоіерей чертилъ: „Слово сіе съ словомъ Божиимъ согласно“ и проч. Мнѣ, помню, назначено было написать проповѣдь на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича, который къ тому времени уже скончался. По-видимому ѣздить съ ненужнымъ уже поученіемъ не было необходимости, но, боясь взысканія и штрафа со стороны епархіальнаго начальства, я все-таки слово приготовилъ, поѣхалъ въ Каменецъ, выполнилъ всю процедуру съ цензурою и явился къ архіерею, который вышелъ ко мнѣ и, выслушавъ, отпустилъ домой, давши наставленіе молиться объ упокоеніи души Государя. Выходило, что я ѣздилъ за 60 верстъ „киселя хлебать“.

Существующая церковная проповѣдь была тогда поставлена въ очень узкія рамки, и проповѣднику, желавшему что-нибудь сказать, приходилось поступать осмотрительно. Ввести въ проповѣдь, такъ сказать, публицистическій элементъ, говорить на современныя событія, злободневныя темы, было довольно опасно, да этого не долюбивали помѣщики и начальство разнаго рода. Поэтому проповѣдь по необходимости носила характеръ слишкомъ отвлеченный, была недоступна пониманію народа и никакого дѣйствія на слушателей не производила. Для характеристики того времени въ отношеніи проповѣдничества нельзя не упомянуть о слѣдующемъ фактѣ. Въ 1853 году было разослано по церквамъ воззваніе Синода, гдѣ говорилось объ осажденномъ Севастополѣ. Воззваніе было характера строго патріотическаго. По полученіи этого воззванія я, посоветовавшись со своими сосѣдями-соокружниками, рѣшилъ его не читать, чтобы не вызвать какого-нибудь движенія въ народѣ, напр. массоваго поступленія въ ратники ополченія. Народъ могъ хлынуть въ ратники не только изъ патріотическаго чувства, но больше чтобы хоть на время избавиться отъ тягостей крѣпостного права. Священникъ же сосѣдняго со мною прихода с. Отрокова Кондрацкій прочелъ крестьянамъ воззваніе и объяснилъ его. Народъ, дѣйствительно, заволновался. Разслѣдовали дѣло, помѣщикъ, поддерживаемый полиціею, настоялъ на томъ, чтобы священникъ былъ взятъ въ тюрьму, изъ которой, впрочемъ, былъ выпущенъ вслѣдствіе хлопотъ его родныхъ, но новаго прихода уже не получилъ. И это за чтеніе не своего измышленія, а синодскаго воззванія... Въ скоромъ времени это воззваніе совсѣмъ отобрали у насъ.

Жило подольское духовенство въ описываемое время бѣдно, такъ какъ бѣдняки-прихожане, которые и въ церковь-то часто не имѣли времени заглянуть, за требы давали очень незначительную плату. Такъ за бракъ и погребеніе получался одинъ рубль, за заказную

литургію съ панихидою—30 коп., за прочія требы еще меньше. Священники жили отъ земли. Они сами хозяйничали, держали много скота. Но заниматься тогда сельскимъ хозяйствомъ, при томъ еще съ первобытными орудіями производства, представляло мало выгоды, если принять во вниманіе существовавшія низкія цѣны на сельскохозяйственные продукты.

По закону положено было, чтобы помѣщикъ обрабатывалъ священнику 3 десятины озимины, столько же ярины и 1 десятину сѣнокосу. Но это рѣдко дѣлалось, такъ какъ помѣщики, поляки по преимуществу, относились къ духовенству пренебрежительно и даже враждебно. Нѣкоторые изъ священниковъ жаловались на пановъ и тягались съ ними, но на это рѣшались, впрочемъ, лишь немногіе смѣльчаки. Тогда при забитости и приниженности православнаго духовенства тягаться съ богатыми польскими панами, еще не скомпрометтировавшими себя мятежемъ и пользовавшимися пока довѣріемъ правительства, имѣвшими громадныя связи, задаривавшими судей и полицію, было трудно, почти невозможно.

Для улучшенія матеріальнаго быта духовенства съ 1842 г. было положено причтамъ Юго-Западнаго края казенное жалованье, впрочемъ, не во всѣхъ приходахъ одинаковое. Приходы по жалованью были раздѣлены на нѣсколько (7) классовъ. Первые три класса не получали жалованья. Въ четвертомъ классѣ въ годъ давалось 140 р., въ пятомъ—120 р., въ шестомъ—100 р. и въ седьмомъ—80 р. Въ случаѣ какого-либо несчастія или тяжелаго семейнаго положенія по представленію благочиннаго выдавалось иногда пособіе изъ Епархіальнаго Попечительства. Такъ разъ мой дядя, пострадавшій отъ пожара, получилъ 80 рублей.

Въ своемъ домашнемъ быту духовенство было поразительно просто. Оно жило почти тѣми же интересами, что и крестьяне. Служба церковная и требы были единственною работою по приходу. Немудреный трудъ этотъ осложнялся занятіями по хозяйству, при чемъ нерѣдко самъ священникъ со всѣми своими домочадцами выходилъ въ поле пахать, боронить, сѣять, жать и пр. Нѣкоторые даже рисовались этимъ. Разъ ѣду въ лѣтнюю пору на своихъ лошадяхъ въ натачанкѣ и по дорогѣ нагоняю челоуѣка, одѣтаго въ простую рубаху, съ косою на плечахъ.

Всматриваюсь—священникъ Самолевичъ. Привѣтствую и спрашиваю: „Что вы это въ такомъ видѣ?“ „А вы что?“ говоритъ онъ съ своей стороны. „Вы по-пански ѣдете, бо паны, а я бидный чоловикъ; мнѣ нужно работать. Не имѣю возможности нанять косарей и самъ иду на сѣнокосъ“.

Развлеченій у духовенства почти никакихъ не было. Не было

ни книгъ, ни газетъ для чтенія, такъ онѣ были недоступны по цѣнѣ, не было ни картъ, ни игры на музыкальныхъ инструментахъ. Все сводилось къ разговорамъ и выпивкѣ. Всякое семейное торжество, свадьба, крестины, похороны справлялись очень продолжительно. Обыкновенно съѣзжалась вся родня и близкіе священники съ семействами. Такъ же праздновался и престольный праздникъ. Бывало, соберемся гдѣ-нибудь на праздникъ, разсядемся, запалимъ длинные чубуки. Заводятся степенные разговоры о погодѣ, о лошадяхъ, о хозяйствѣ, о приходскихъ дѣлахъ. Женщины въ другой комнатѣ ведутъ свои разговоры. Такъ идетъ время до закуски. И только за закускою и обѣдомъ подъ вліяніемъ выпивки языки постепенно развязывались. Становилось шумно, весело; то и дѣло слышались шутки, остроты и смѣхъ. Иногда такое праздничное времяпрепровожденіе разнообразилось прогулками, играми, пѣніемъ, при чемъ пѣли все больше простыя, малороссійскія пѣсни. Такъ проходило нѣсколько дней. Пора уже разѣзжаться и по домамъ. Гости прощались съ хозяевами. Въ сѣняхъ хозяинъ останавливалъ ихъ, просилъ выпить на дорожку; гости не въ силахъ были отказать, возвращались въ комнату; завязывался продолжительный разговоръ. Наконецъ выходили на дворъ и здѣсь выпивали чарки. Это называлось пить „дышлѣвэ“ (дышловое—отъ дышловой упряжки лошадей). Такимъ образомъ прощанье продолжалось часа два и болѣе.

Жили священники и жизнью своихъ прихожанъ; они были участниками всякихъ семейныхъ торжествъ послѣднихъ. Родится ребенокъ, священникъ приглашался давать молитву родильницѣ и наречь имя ребенку непременно на домъ, гдѣ предлагали ему выпить и закусить. То же самое было и на крестинахъ и на поминкахъ. И нужно правду сказать, что чарка много способствовала тогда единенію, сближенію священника со своими прихожанами.

Въ описываемое время были еще доживавшіе свой вѣкъ священники—бывшіе уніаты. Когда уничтожилась унія, большинство уніатскихъ священниковъ перешло въ католичество, нѣкоторые ушли въ Галицію и только немногіе согласились церейти въ православіе. Интересный типъ представляли эти перешедшіе изъ уніи священники, тяготѣвшіе ко всему польскому и католическому. Быть ихъ ничѣмъ не отличался отъ быта католическихъ ксендзовъ. Для характеристики скажу о протоіереѣ Лабойковскомъ, бывшемъ въ 50-хъ годахъ настоятелемъ Николаевской церкви въ г. Каменцѣ. Не знавшій его съ удивленіемъ останавливался, когда видѣлъ фигуру довольно странную по необычности и смѣшенію одежды и убранства православныхъ священниковъ съ католическими. Онъ былъ

очень высокаго роста, худощавый, гладко выбритый, носилъ „габиту“ и въ то же время наперсный крестъ и камилавку. Семинаристы глумились надъ нимъ и называли „мельничскій слупъ“ (мельничный столбъ). Одинъ изъ архіереевъ подольскихъ настойчиво убѣждалъ Лабейковскаго переменить одежду и запустить бороду, но тотъ ни за что не хотѣлъ этого сдѣлать. Служилъ онъ на католическій манеръ, уставъ церковный зналъ очень плохо, да и не справлялся съ нимъ, а служилъ такъ, какъ подсказывала ему его плохая память, а иногда и фантазія. Лабейковскій не признавалъ никакихъ начальственныхъ распоряженій. Вѣнчалъ самые невозможные браки и даже развѣнчивалъ повѣнчанные другими. Велъ жизнь вполне свѣтскаго человѣка и любилъ играть въ карты. Рассказывали про него, что онъ однажды прямо изъ-за картъ пришелъ въ церковь на страсти въ Великій Четвертокъ и, такъ какъ былъ въ проигрышѣ, страшно сердился и перепуталъ всю службу къ соблазну немногочисленныхъ, впрочемъ, богомольцевъ. Во время богослуженія онъ велъ себя вообще вольно и безъ подобающаго благоговѣнія. Такъ однажды Лабейковскій совершалъ кажденіе въ церкви во время всеобщаго бдѣнія. Проходя мимо одной своей хорошей знакомой барыни, онъ подалъ ей руку, остановился и началъ разговаривать, опомнился лишь тогда, когда псаломщикъ, пропѣвши все, ему положенное, замолчалъ. Разъ во время всеобщей же, когда псаломщикъ пѣлъ прмось: „Коня и всадника“, онъ обратился къ нему и громко на всю церковь сказалъ: „Досыть тѣго коня (довольно того коня), спивай южъ воды прошедь“; выраженіе, сдѣлавшееся крылатымъ и долго употреблявшееся въ видѣ присловья среди подольскаго духовенства.

Прот. Лабейковскій былъ членъ консисторіи, но ничего въ дѣлахъ не понималъ и лишь подписывалъ бумаги. Взятки брать все-таки не стѣснялся.

Въ мое время ходило очень много разказовъ о странностяхъ бывшихъ униатскихъ священниковъ, перешедшихъ въ православіе.

Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, извѣстный кievскій протоіерей Скворцовъ по предписанію Св. Синода ревизовалъ нашу епархію и ѣздилъ по приходамъ ея чуть-ли не два года. Ревизовалъ онъ и въ Ярмолинцахъ. Еще не доѣзжая до этого мѣстечка, въ которомъ прежде былъ католическій „кляшторъ“, Скворцовъ уже слышалъ отъ многихъ, что священникъ въ Ярмолинцахъ, Левицкій изъ униатовъ, человѣкъ образованный, кончившій курсъ за границею. Скворцовъ пріѣхалъ въ Ярмолинцы, но не засталъ дома священника Левицкаго. Очень можетъ быть, что тотъ нарочно избѣгалъ

встрѣчи съ синодальнымъ ревизоромъ, благодаря и особенностямъ своего характера очень замкнутого и недоверчивымъ отношеніямъ ко всѣмъ вообще представителямъ русской власти. Скворцову, спросившему о мѣстонахожденіи священника, сказали предположительно, что онъ вышелъ въ поле.

Скворцовъ отправился по указанному пути и на полянѣ, подъ стогомъ сѣна нашелъ Левицкаго, углубившагося въ чтеніе какой-то книжки. Скворцовъ подсѣлъ къ ярмолинецкому батюшкѣ. Книжка, которую онъ читалъ, оказалась Гораціемъ въ подлинникѣ. Между ними завязалась бесѣда, которая продолжалась очень долго. Ученый протоіерей былъ пріятно удивленъ, что въ глуши нашелъ вполне образованнаго человѣка. По пріѣздѣ въ Каменецъ, онъ рассказалъ тогдашнему преосв. Кириллу и просилъ его наградить Левицкаго значительной по тому времени наградой—скуфьей, выдававшейся еще Св. Синодомъ по представленію Епархіальнаго начальства. Просьба Скворцова была исполнена. Тогда было въ обычаѣ вызывать награжденнаго въ Каменецъ для того, чтобы самъ архіерей возлагалъ на него награду. Указомъ консисторіи вызванъ былъ и Левицкій въ Каменецъ. Долго тотъ собирался. Наконецъ, приладивши возъ, набравши корму не менѣе, какъ на недѣлю и столько же сѣстныхъ припасовъ, хотя Ярмолинцы были всего въ 60-ти верстахъ отъ Каменца, Левицкій поѣхалъ туда. Но доѣхавши почти до самаго города остановился, долго раздумывалъ и повернулъ домой къ неописуемому удивленію своего возницы. Дома пріѣздъ его также надѣлалъ не мало переполоху. Думали, что случилось какое-нибудь несчастіе съ „панъ-отцомъ“. На вопросы своей жены Левицкій объявилъ, что онъ въ Каменецъ не поѣдетъ. Но побуждаемый неоднократно указами консисторіи и усиленными просьбами своей жены, снова двинулся въ Каменецъ, но съ дороги опять вернулся домой и ужъ послѣ того ни указы консисторіи, ни мольбы и упреки жены не могли поколебать его рѣшенія. Такъ преосв. Кириллъ и не дождался Левицкаго въ Каменецъ.

Другого, перешедшаго изъ униіи свящ. Гречину, изъ с. Байраки, я лично видѣлъ нѣсколько разъ. Онъ, будучи правосл. священникомъ, носилъ сутану, брился и только предъ смертью запустилъ бороду. За то, что во время 2-го польскаго мятежа онъ скомпрометтировалъ себя и не умѣлъ служить по православному, былъ выванъ въ Каменецъ и лишенъ прихода.

Бывшіе униатскіе священники, какъ и вообще католическіе ксендзы, ради привлеченія народа, а слѣдовательно и доходовъ, измышляли „отпусты“—торжественныя празднества. Иллюстраціей того, какъ

они это устраивали, можетъ служить случай съ тестемъ моего тестя Монастырскимъ.

По преклонности лѣтъ онъ не имѣлъ прихода и жилъ при зятѣ. Привычка получать доходы осталась, а удовлетворить ее не было возможности. Онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему. Въ церкви стояли безъ употребленія старыя хоругви, на которыхъ иконы были писаны на полотнѣ красками. Онъ вырѣзываетъ эти иконы и ночью несетъ на криничку (колодчикъ), находившуюся на церковномъ полѣ. Криничка представляла изъ себя стокъ воды, и воды прекрасной, бьющей изъ камня. Здѣсь онъ зажигаетъ свѣчи, бросаетъ на дно кринички иконы, которыя хорошо были видны сквозь чистую воду. Народъ постоянно пользовался водою изъ этой кринички. Приходитъ одна женщина, другая и съ удивленіемъ видятъ: горятъ свѣчки, а въ криничкѣ какія-то свящ. изображенія; заключаютъ, что они явленные. Слухъ скоро разносится по селу. Крестьяне толпами стекаются на поле, къ криничкѣ. Монастырскому того и нужно было. Онъ является туда въ церк. облаченіи, читаетъ акафисты, поетъ молебны. Цѣль достигнута: мѣдяки и даже серебро щедро попадаютъ въ его карманъ. Между тѣмъ мѣстный діаконъ, понявъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ отправился къ благочинному и доложилъ ему обо всемъ. Благочинный приказалъ ему тайкомъ свѣчи потушить, а криничку совершенно засыпать, что онъ и сдѣлалъ.

Однообразіе жизни духовенства нарушалось архіерейскими ревизіями, которыхъ, поэтому, нельзя пройти молчаніемъ.

Вѣсть о томъ, что архіерей ѣдетъ по ревизіи, повергала духовенство тѣхъ мѣстъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать онъ, въ трепеть и смятеніе. Архіерей ѣхалъ обыкновенно съ многолюдной свитой и хоромъ пѣвчихъ. Вся эта прожорливая стая, кстати сказать, между духовенствомъ носившая названіе „саранчи“, вела себя въ высшей степени безцеремонно. Она не только съ неимовѣрнымъ аппетитомъ истребляла всякія снѣди, пригвоенные запасы водокъ, наливокъ, вина, но и нагло вымогала, гдѣ только могла и сколько могла, презрѣнный металлъ. Забитый деревенскій священникъ того стараго времени изъ кожи лѣзъ, чтобы угодить каждому изъ архіерейскихъ приспѣшниковъ. Онъ трепеталъ не только предъ архіереемъ и сопровождавшимъ его ключаремъ, но и предъ протодіакономъ и другою челядью, не исключая кучера, которая вела себя въ высшей степени гордо и важно. Особенно отличались такою важностію и по осанкѣ и по голосу протодіаконъ. Мнѣ припоминается необыкновенно типичная въ этомъ отношеніи фигура протодіакона Красицкаго. Онъ окончилъ курсъ семинаріи при преосв. Кириллѣ, уже будучи въ санѣ діакона. Тогда это можно было. Я представляю его себѣ съ необыкновенною

важностію выступающимъ по улицѣ. Встрѣчавшіеся деревенскіе батюшки низко, низко ему кланялись, а онъ еле отвѣчалъ на эти поклоны. Впрочемъ, если люди пожилые и старые вели себя такъ почтительно по отношенію къ протодіакону Красицкому, легкомысленная молодежь жестоко издѣвалась надъ нимъ. Семинаристы не давали ему прохода и при встрѣчѣ всегда дразнили его. Впрочемъ, о. протодіаконъ и въ такомъ случаѣ не терялъ своей важности. Обыкновенно онъ на всѣ чинимыя ему обиды отвѣчалъ, обращаясь больше къ публикѣ, чѣмъ къ своимъ обидчикамъ: „Жаль, что не взялъ трости, сейчасъ бы пошелъ къ Владыкѣ“.

Низкопоклонство духовенства доходило до того, что нѣкоторые изъ священниковъ цѣловали у Красицкаго руку, что тотъ снисходительно позволялъ дѣлать. Рассказывали, что когда онъ путешествовалъ на свою родину въ Волынскую губернію и по пути заѣзжалъ къ сельскимъ батюшкамъ, то вездѣ былъ встрѣчаемъ ими съ большимъ почетомъ. Его угощали на славу и давали ему бесплатно лошадей до слѣдующей станціи. „Отъ меня *про* никогда не отпадетъ, говорилъ онъ угощающимъ батюшкамъ, сегодня протодіаконъ, а завтра протоіерей“. Дѣйствительно, когда Красицкій началъ терять голосъ и принужденъ былъ выйти въ священники въ одинъ изъ сельскихъ приходоу, его вскорѣ назначили благочиннымъ.

Но при своей природной недалекости онъ такъ разлѣнился и разжирѣлъ, что совершенно былъ не въ состояніи заниматься по благочинію и былъ уволенъ въ скоромъ времени отъ должности благочиннаго.

Красицкій и его преемники: Туровичъ, Разворовичъ, Левицкій обладали прекрасными голосами и любили выпить. Разворовичъ, напр., напивался до того, что валялся иногда на губернаторской площади. А какіе это были могучіе голоса!.. Левицкій при преосв. Евсеіи былъ діаконъ въ предмѣстьѣ Каменца Польскихъ Фольваркахъ, раздѣлевныхъ отъ города глубокой стремниной. И вотъ что рассказывали. Архіерейскій пѣвчій Шумлянскій, одинъ изъ собутельниковъ Левицкаго, кричитъ изъ архіерейскаго сада чрезъ оврагъ на Польскіе Фольварки къ Левицкому (разстояніе было около версты): „Ку-у-рта!“ (прозвище Левицкаго). А тотъ отвѣчаетъ: „Чего ты орешь?“ Пѣвчій кричалъ: „Давай на „глазь“ („глазь“ въ шутку замѣнилъ „око“ — штофъ водки по мѣстному нарѣчію). Преосв. Евсеіи услышалъ переключку и поставилъ обоихъ на поклоны, хотя не мало подивился ихъ богатырскимъ голосамъ. Вотъ такія-то личности находились въ свитѣ архіереевъ при ихъ объѣздѣ по епархіи и которыхъ нужно было духовенству за даривать.

Если нашествіе архіерейской среды пугало духовенство, которое такъ почтительно занскивающе относилось къ лицамъ архіерейской свиты, то самъ виновникъ этой суматохи—архіерей, даже одно представленіе о немъ, повергало духовенство прямо въ ужасъ. Обсуждалась каждая мелочь, предугадывались всякія могущія встрѣтяться случайности. Но, конечно, всего нельзя было предвидѣть, и потому никто не могъ даже гадательно что-нибудь сказать определенное относительно того, какъ сойдетъ ревизія.

Архіерей могъ обратить вниманіе на то, что никому и въ голову не приходило, могъ разгнѣваться за всякое опущеніе, иногда только кажущееся. Всякій представлялъ владыкъ именно какъ владыкъ—непремѣнно и прежде всего строгихъ, въ высшей степени взыскательныхъ, каковыми большею частію они и были на самомъ дѣлѣ. И не даромъ въ умахъ и представленіи пониженнаго духовенства форма отношеній его къ своимъ архипастырямъ установилась чисто восточная. Одни (сельское духовенство) въ трепетѣ и смятеніи падали предъ владыками ницъ, а тѣ при этомъ выраженіи уваженія къ нимъ напоминали собою фигуру того восточнаго деспота, о которомъ говорится: „Гнѣвъ царя, аки ревль лва“...

При ревизіяхъ для ночлега и отдыха вообще архіереи останавливались большею частію у помѣщиковъ, не только русскихъ, но и поляковъ; съ подвѣдомственнымъ же духовенствомъ разговаривали мало. Ревизію ограничивали бѣглымъ осмотромъ храма и церковныхъ документовъ. При этомъ часто срывали на духовенствѣ дурное расположеніе духа, происходившее отъ многихъ причинъ: и отъ тягостей дорожныхъ, и отъ утомленія, и отъ собственныхъ немощей, обусловливаемыхъ всегда почти болѣе или менѣе преклоннымъ возрастомъ. Исключеніе составлялъ лишь „смирный“, всегда обходительный, добрѣйшій, вѣжливый Кирилль. Преосв. Елпидифоръ былъ очень вспыльчивъ. Малѣйшая ошибка могла служить для него поводомъ напуститься и раскричаться на провинившагося.

Однажды Арсеній назначилъ ревизію въ с. Кузьминѣ, куда съѣхались для представленія ему священники изъ двухъ благочинническихъ округовъ. Точно дня, а тѣмъ болѣе часа архіерейскаго прибытія въ маршрутъ, конечно, не было указано. Не желая подвергнуться непріятностямъ отъ епископа, заблаговременно съѣхавшееся въ Кузьмино духовенство наняло жидовскій постоялый дворъ (заѣздъ) и жило тамъ два дня. Спали вездѣ, гдѣ только можно было, на полу, на соломѣ. Наконецъ пріѣхалъ со свитою такъ долго ожидаемый преосв. Арсеній. Осмотрѣвши церковь, онъ зашелъ въ

домъ мѣстнаго священника Добржанскаго, который былъ и благочиннымъ. Усѣвшись въ небольшой горницѣ около стола и понюхавши табаку, Арсеній обвелъ всѣхъ, робко толпившихся въ комнатѣ священниковъ и псаломщиковъ, глазами и спросилъ своимъ гнусавымъ голосомъ: „А что мы сейчасъ будемъ дѣлать?“ и затѣмъ, немного помолчавши, самъ же отвѣтилъ: „Экзаменовать... Ну, начнемъ съ хозяина“...

Пожилой, почтенный о. благочинный, смущенный присутствіемъ подвѣдомственнаго ему духовенства, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ архіерей. Въ это самое время вошла хозяйка дома. Деревенская матушка совсѣмъ утомилась за хозяйственными и кухмистерскими хлопотами. Кому, кому, а на ея долю больше всего досталось трудовъ и заботъ по приему гостей. Нужно всѣхъ накормить и убоготворить. А народу не мало!... Однихъ пѣвчихъ два фургона. Нужно накормить и фурмановъ (кучеровъ) и о лошадяхъ позаботиться. Мужъ все время—съ владыкою, а слѣдовательно, не могъ раздѣлить ея трудовъ. Не мудрено, что матушка, вошедшая въ чистую горницу за какими-то болѣе деликатными припасами, въ родѣ рису или чего-нибудь подобнаго, была въ приподнятомъ настроеніи духа. Одѣта она была по-домашнему въ башмаки на босу ногу, въ подтыканной юбкѣ и съ платочкомъ на плечахъ.

— А вотъ и матушка пришла... Желаетъ послушать, какъ будетъ отвѣчать ея мужъ,—замѣтилъ преосвященный.

Чаша терпѣнья бѣдной сельской понады была переполнена. Изъ усть ея неудержимымъ потокомъ полилась нервная, гнѣвная рѣчь.

— Эге-э!.. Будэ вже того... На що жъ винъ кичывъ ту семинарію? Доки жъ його будутъ экзаменовать? Но то жъ його попомъ зробылы?.. и дальше въ томъ же родѣ.

Хозяинъ сталъ бѣлѣе полотна. Гости пришли еще въ большій трепеть и смятеніе, чѣмъ прежде. И самъ архіерей въ первыя минуты нѣсколько разстерялся и не зналъ, что ему предпринять. Наконецъ, когда потокъ краснорѣчія хозяйки видимо сталъ изсякать, и она на мгновеніе смолкла, Арсеній промолвилъ добродушнымъ тономъ:

— Такъ развѣ не экзаменовать?.. Хозяйка не велить... Ну, такъ не будемъ экзаменовать, — и началъ просматривать документы.

Вотъ это-то добродушіе преосв. Арсенія, несмотря на его грубость, рѣзкость и суровость, выгодно отличало его среди другихъ подольскихъ владыкъ нашего времени и было причиною того, что

у духовенства сохранились о немъ въ общемъ хорошія воспоминанія.

Не таковъ былъ одинъ изъ ближайшихъ его преемниковъ преосв. Евсеvій,—человѣкъ гордый, холодный, выскательный, презрительно относившійся къ духовенству.

Вскорѣ по поступленіи на приходъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной его ревизіи. Собрали насъ въ село Ивашковцы, имѣніе русской помѣщицы, генеральши Дивовой. Туда пріѣхало насъ человѣкъ 8 окружныхъ священниковъ съ документами. Архіерея встрѣтили мы въ церкви. Народъ совершенно отсутствовалъ, такъ какъ былъ занятъ въ полѣ на лѣтней работѣ. Былъ іюль мѣсяцъ и убирали хлѣбъ. Евсеvій, внимательно осмотрѣвши насъ, замѣтилъ нѣкоего Лотоцкаго, старика-священника изъ с. Барсуковецъ, отъ природы не имѣвшаго ни усовъ, ни бороды.

— А, вскричалъ Евсеvій, ты усы сбрилъ!.. Ну, я съ тобой расправляюсь!

Изъ храма преосвященный поѣхалъ въ домъ генеральши, куда былъ приглашенъ и нашъ благочинный. Мы же все собрались въ саду и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Долго сидѣли мы и сдержанно разговаривали. Слышно было изъ открытаго окна звяканье посуды и говоръ гостей. Видѣли, какъ суетился управляющій помѣщицы Пафнутій Левицкій, сынъ священника, но тѣмъ не менѣе свысока относившійся къ намъ, наблюдали, какъ пробѣгали по двору лакеи. Стало уже смеркаться. Наконецъ, обѣдъ, повидимому, кончился и въ садъ вышелъ ѣздившій съ архіереемъ эконоомъ архіерейскаго дома Антоній. Онъ подошелъ къ намъ. Мы попросили его доложить о насъ владыкѣ, что онъ и исполнилъ.

— „А я и забылъ“, отвѣтилъ Евсеvій и велѣлъ намъ войти. Едва мы перешагнули порогъ, какъ архіерей спросилъ:

— А тотъ, что усы сбрилъ, есть? и, замѣтивши Лотоцкаго, обратился къ нему съ вопросомъ: „Ты на что сбрилъ усы?“ Тотъ такъ перепугался, что ни слова не могъ сказать архіерею въ объясненіе.

— Въ уѣздный соборъ... на эпитимію... служить!—крикнулъ разгнѣванный владыка.

Хорошо, что благочинный какъ-то рѣшился доложить архіерею, что у Лотоцкаго отъ природы нѣтъ усовъ. Арсеній все-таки не повѣрилъ его словамъ, а взялъ свѣчу и поднесъ къ лицу старика. Осмотрѣвши его и убѣдившись въ справедливости доложеннаго благочиннымъ, онъ сказалъ Лотоцкому: „Ну, Богъ съ тобой, ступай!..“

Непосредственнымъ, ближайшимъ начальствомъ, съ которымъ

чаще всего приходилось имѣть дѣло духовенству, былъ благочинный. Въ описываемое время благочинные имѣли большую силу и значеніе. Мы, рядовые священники, въ присутствіи ихъ стояли и безъ приглашенія не смѣли сѣсть. Да и не мудрено!.. Донесеніямъ благочиннаго архіерей и консисторія вѣрили безъ всякой провѣрки. По всякому дѣлу требовался отзывъ благочиннаго. Ко мнѣ мой благочинный почувствовалъ сразу недоброжелательство и вотъ по какому случаю. Отъ церквей тогда поступали взносы: „На храненіе и приращеніе на пользу церкви“. Съ моего прихода мой предшественникъ платилъ по 12 рублей, сумму значительную для того времени, если принять во вниманіе, что валовой доходъ церковный равнялся 50-ти рублямъ въ годъ. Разспросивши другихъ своихъ соокружниковъ, я узналъ, что они вносятъ по 3, по 4, 5 и 6 р. Тогда и я уменьшилъ сумму взноса до 6 р. Послѣ праздниковъ Рождества Христова явились мы съ церковнымъ старостою къ благочинному съ годичными отчетами и по обычаю привезли благочинному корецъ овса, который староста специально для этой цѣли набиралъ съ прихода и 1 р. деньгами изъ церкви. Староста отъ себя лично еще преподнесъ штофъ водки. Заглянувши въ приходорасходныя книги, которыя у насъ тогда носили названіе „реэстровъ“, и замѣтивши на половину уменьшенную сумму взноса, благочинный страшно разсердился на меня и сталъ кричать: „Я вамъ сдѣлаю Андреевскій крестъ (т. е. перечеркнетъ на-крестъ) въ вашихъ реэстрахъ и представлю въ консисторію: васъ лишатъ прихода“. Я спокойно выслушалъ это начальническое распеканіе, но приходорасходной книги не исправилъ. Успокоился и благочинный и пригласилъ меня выпить вмѣстѣ съ другими по рюмкѣ водки и закутить. Здѣсь же былъ и сынъ благочиннаго, семинаристъ. Онъ по предложенію отца досталъ изъ буфетнаго шкафа бутылку рому и началъ угощать насъ: „пийте, пийте, бо то хабаръ“ (взятка). Никто этимъ не смущался, такъ какъ взятки всякаго рода были въ обычаѣ. Все же благочинный всегда косо смотрѣлъ на меня. И вообще онъ не долюблялъ священниковъ изъ окончившихъ курсъ семинарскій, какъ людей равныхъ ему по образованію. Съ нихъ и взятки не такъ было удобно брать, какъ съ той братіи, которая пролѣзла во іереи, Богъ вѣсть, какими путями, имѣя иногда образовательный цензъ первыхъ классовъ духовнаго училища, а всякаго рода взятки среди благочинныхъ, какъ, впрочемъ, и среди всякаго начальства духовнаго и свѣтскаго, были явленіемъ обычнымъ. Однако такого хищенія, какое было раньше, въ описываемое время уже не наблюдалось; о немъ осталось одно лишь воспоминаніе. Когда я еще учился, рассказывали, напр. такой случай. Пріѣзжаетъ благо-

чинный Бялковскій въ одинъ приходъ и, замѣтивъ въ церкви на престолѣ серебряные подсвѣчники, говоритъ священнику: „Это униатчина; этого нельзя въ православной церкви держать... Представить въ благочиніе!..“ И подсвѣчники представляются въ благочиніе, т. е. тому же Бялковскому. Послѣ его смерти оказалось больше 1½ пуда серебра въ разныхъ вещахъ, похищенныхъ указаннымъ способомъ изъ церквей своего округа. Когда вышло жалованье духовенству, этотъ же благочинный самовольно удерживалъ его въ свою пользу подъ видомъ штрафовъ за разныя провинности. Впрочемъ, чужое, незаконно нажитое добро, не пошло впрокъ. Послѣ смерти Бялковскаго оно попало моему дядѣ, женившемуся на его дочери. Однажды случился у него пожаръ, которымъ уничтоженъ былъ домъ, все имущество, сгорѣла даже и жена. Наказаніе Божіе за незаконные прибитки преслѣдовало Бялковскаго и въ его дѣтяхъ. Сынъ его тоже не былъ чистъ на руку. Когда онъ учился въ 6 классѣ семинаріи, вдругъ стали пропадать ученическія вещи: шинели, сюртуки и др. Оказалось, что это онъ при соучастіи другихъ кралъ и сбывалъ евреямъ. Подъ вліяніемъ страсти онъ не щадилъ даже своихъ родителей. Разъ его мать привезла въ Каменецъ для продажи тканное ею полотно, куръ, гусей, масло, сыръ и т. п. сельскіе продукты, всего на двухъ фурахъ. Оставивши около возовъ старосту, сама отлучилась подыскать покупателя. Между тѣмъ сынокъ какъ-то прослышалъ объ этомъ и, взявши еврея, подошелъ къ старостѣ и и говоритъ: „мама прислала меня сказать, чтобы ты все отвезъ туда-то, къ нему (указалъ на еврея). Она все продала и уже получила деньги“. Староста, не подозрѣвая злого умысла, дѣлаетъ по указанію батюшкинаго сына. Черезъ нѣсколько часовъ приходитъ мать. „Гдѣ привезенное?..“ — „Да, приходилъ паньчъ и сказалъ отвезъ все туда-то, я и отвезъ“. Всплеснула мать руками, но уже поздно было.

Разъ тотъ же Александръ Бялковскій въ компаніи съ другими двумя семинаристами (Янковскимъ и Греначевскимъ) ухитрились стянуть у губернатора Грохольскаго серебряный самоваръ съ кипяткомъ. За это преступленіе ихъ взяли въ тюрьму, или, какъ тогда говорили, „въ крѣпость“, потому что тюрьма помѣщалась въ бывшей турецкой крѣпости. Долго они сидѣли, Янковскій, малый даровитый и учившійся потомъ въ духовной академіи, написалъ прошеніе архіерею и даже сочинилъ стихи. Архіерей внялъ мольбѣ молодыхъ людей, похлопоталъ, предъ кѣмъ слѣдовало, и ихъ отпустили. Послѣ этого случая Бялковскій былъ уволенъ изъ семинаріи. Понесенное имъ наказаніе на него не подѣйствовало, онъ не исправился. Въ Бессарабіи онъ обокралъ нѣсколько церквей и снова по-

паль въ тюрьму. Здѣсь Бялковскій вдругъ пересталъ говорить. Его допрашиваютъ, а онъ только мычитъ, дѣлая видъ, что не можетъ сказать ни слова, такъ какъ отнялся языкъ. Бились съ нимъ, ничего не могли подѣлать. Черезъ нѣсколько времени его въ такомъ состояніи взялъ на поруки мой дядя. У него жилось Бялковскому очень хорошо. Ничего онъ не дѣлалъ, лишь гулялъ по саду или въ лѣсу. Скажутъ: „Александръ, иди кушать“. Идетъ, наѣстся, выпьетъ хорошо и отправляется на токъ, ложится на солому и преспокойно спитъ на солнышкѣ. Дядя, правду сказать, не вѣрилъ нѣмотѣ Бялковскаго. И вотъ разъ, когда тотъ сладко спалъ, пришелъ на токъ и надъ его ухомъ крикнулъ: „Александръ“. Тотъ со сна вскочилъ и откликнулся: „Га“.—Такимъ образомъ обнаружился его обманъ. Его судили, но суды въ то время были не всегда неподкупные. Вмѣшались родственники, кое-гдѣ подмазали, и Бялковскій былъ оправданъ. Онъ поступилъ послѣ этого на службу въ Бессарабію же, но снова прокрался и попалъ въ тюрьму. Для того, чтобы доставить себѣ свободу, онъ вдругъ умираетъ; его похоронили. Какъ это онъ устроилъ, трудно сказать. Говорили, что онъ подкупилъ тюремныхъ служителей, и умершаго какого-то арестанта погребли подъ его именемъ, а то, можетъ быть, и просто пустой гробъ. Теперь онъ уже навсегда покинулъ Бессарабію и работалъ въ Подоліи. Человѣкъ онъ, безъ сомнѣнія, былъ умный и какимъ-то образомъ занялъ должность дѣлопроизводителя Миньковецкаго окружного казеннаго имѣнія. Жизнь вель разгульную, пьянствовалъ и обиралъ крестьянъ. Разъ я встрѣтился съ нимъ въ какомъ-то селѣ у священника. Онъ позвалъ старшину и пошелъ съ нимъ по селу. Черезъ нѣсколько времени является, неся въ рукахъ цѣлый, порядочной величины, кожаный мѣшокъ, полный денегъ. Позвякивая ими, онъ обращается ко мнѣ: „Бачъ, сколько грошей маю“ и съ этими словами высыпалъ деньги на столъ. Тутъ были и серебряные рубли, и мелочь, и мѣдяки, которые онъ стянулъ съ бѣдныхъ мужиковъ. На службѣ онъ получалъ чины и имѣлъ орденъ Анны 3-й ст. По упраздненіи означеннаго учрежденія онъ былъ писаремъ у мирового посредника. Въ концѣ концовъ купилъ имѣніе въ Кіевской губерніи и спился. Для объединенія дѣятельности духовенства иногда бывали у насъ пастырскія окружныя собранія, называвшіяся „собориками“. Соборики эти назначались и для слушанія консисторскихъ указовъ. Обыкновенно бывало такъ, что благочинный прочитаетъ указъ, духовенство прослушаетъ его и распишется въ томъ, что слушало. Часто тѣмъ только и ограничивались эти собранія. Позже по предписанію епархіальнаго начальства разсуждали одинъ разъ объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній въ матеріальномъ

отношеніи. Однажды вслѣдствіе жалобы на поборы благочиннаго Лапчинскаго консисторія предписала назначить ему опредѣленное жалованье. Духовенство собралось на соборикъ, долго разсуждало и такъ какъ Лапчинскій всѣмъ надоѣлъ своею недобросовѣстностію, плутнями и взятками, жалованья ему никакого не положило. Лапчинскій вскорѣ былъ уволенъ, а вмѣсто него назначенъ свящ. Киселевичъ. При немъ снова было подтвержденіе епархіальнаго начальства о назначеніи жалованья благочинному. Опять собралось духовенство на соборикъ. Киселевичъ, какъ лицо заинтересованное, и чтобы не стѣснять никого своимъ начальническимъ авторитетомъ, ушелъ въ другую комнату, предоставивши собравшемуся духовенству самому поразсуждать по поднятому вопросу. Духовенство, потолковавъ, положило жалованье благочинному въ количествѣ двухъ рублей съ каждаго подвѣдомственнаго ему прихода, но съ тѣмъ при томъ, чтобы благочинный ничего не бралъ при сдачѣ годичной отчетности. Киселевичъ, узнавши о состоявшемся рѣшеніи, страшно разсердился на духовенство своего округа, а особенно на меня, считая меня главнымъ агитаторомъ среди духовенства въ пользу такого невыгоднаго для него рѣшенія.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

